

УДК 327.3

Оригинальное исследование

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-515-525

Изоляционизм в современной внешнеполитической мысли США: коалиция Куинси

Старкин С.В.^{1,2}, Приписнова Е.С.¹, Гнездова Е.В.¹

¹⁾ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23;

²⁾ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

E-mail: starkinserge@mail.ru, e.s.pripisnova@yandex.ru, e.v.sidorova.fmo@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является изучение основных постулатов так называемой коалиции Куинси, выражающей взгляды современного американского изоляционизма и сдерживания во внешней политике. Авторы, основываясь на методе компаративного анализа, проводят разбор подходов современного либертарианства, реализма и леволиберальных прогрессивистов и приходят к выводам, что американский экспертно-академический дискурс отличается дискуссионностью, полифоничностью и неоднозначностью оценок, методов и подходов. Результаты исследования позволят российским ведомствам, осуществляющим проведение внешней политики России, проводить более эффективное взаимодействие с американскими визави при решении сложнейших проблем современного мира.

Ключевые слова: внешняя политика США, интервенционизм, реализм, либертарианство, либерализм

Для цитирования: Старкин С.В., Приписнова Е.С., Гнездова Е.В. 2023. Изоляционизм в современной внешнеполитической мысли США: коалиция Куинси. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 515–525. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-515-525

Isolationism in Contemporary US Foreign Policy Thought: The Quincy Coalition

Sergey V. Starkin^{1,2}, Elena S. Pripisnova¹, Elena V. Gnezdova¹

¹⁾ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin St., Nizhny Novgorod 603022, Russia;

²⁾ Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A Minin St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

E-mail: starkinserge@mail.ru, e.s.pripisnova@yandex.ru, e.v.sidorova.fmo@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to study the main postulates of the so-called Quincy coalition, which expresses the views of modern American isolationism and containment in foreign policy. The authors, based on the method of comparative analysis, analyze the approaches of modern libertarianism, realism and left-liberal progressives, and come to the conclusion that the American expert-academic discourse is debatable, polyphonic and ambiguous in assessments, methods and approaches. The results of the study will allow Russian departments that carry out Russia's foreign policy to conduct more effective interaction with American counterparts in solving the most complex problems of the modern world.

Keywords: US foreign policy, interventionism, realism, libertarianism, liberalism

For citation: Starkin S.V., Pripisnova E.S., Gnezdova E.V. 2023. Isolationism in Contemporary US Foreign Policy Thought: The Quincy Coalition. *Via in tempore. History and Political Science*, 50 (2): 515–525 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-515-525

Введение

Общеизвестно, что процесс формирования американской внешней политики во многом обусловлен соответствующим интеллектуальным дискурсом и попытками идеологических обоснований. Философские, идеологические и интеллектуальные движения играют значительную роль в данном процессе, особенно в переломные периоды, когда доминирует неопределенность в отношении приоритетов. В независимости от конкретной эпохи, будь то прогрессивизм начала двадцатого века, породивший вильсонский интернационализм, или реализм Р. Нибура и Г. Моргентау на начальном этапе холодной войны, интеллектуалы и теоретики давали интерпретационные формулировки современного мира, его реалий, их связи с американскими национальными интересами и программами действий.

В последние десятилетия конкурирующие школы мысли, рефлексующие на тему «большой стратегии», как правило, институционализируются в think tanks – аналитических центрах политических исследований. Они неплохо финансируются, отличаются постоянной продуктивностью и вовлеченностью в актуальный внешнеполитический контекст. Подобная концентрация интеллектуальных ресурсов способствует интеграции идеологических и политических размышлений с внешнеполитическим видением и повесткой дня. В свою очередь, эволюция внешнеполитических проектов также во многом определяется значимыми событиями, которые внезапно меняют характер угроз, интересов и возможностей. Такие «черные лебеди», как террористические атаки 11 сентября 2001 г., пандемия COVID-19 и ряд других, мгновенно трансформируют геополитический ландшафт, превращая одни программы в устаревшие, а другие в более жизнеспособные.

Дискурсивное поле противостояния различных идеологий и внешнеполитических нарративов также включает в себя истории о провалах американской политики, таких как войны во Вьетнаме, в Ираке, в Афганистане. В той мере, в какой внешнеполитические школы связаны с конкретными неудачами, они дискредитированы. С другой стороны, интеллектуалы, предлагающие убедительные диагнозы источников неудач и прогнозы, направленные на их предотвращение, приобретают соответствующее политическое влияние. Так, Карибский кризис нарушил господствовавшие в начале холодной войны представления о ядерных рисках, повысив необходимость взаимного сдерживания сверхдержав и институционализированного контроля над оружием массового поражения. Фиаско американского вторжения и оккупации Ирака после 2003 года породило в американской интеллектуальной среде сомнения в желательности глобальных обязательств Америки и широкомасштабном силовом проецировании силы против предполагаемых угроз.

Объект и методы исследования

Объектом настоящей работы являются различные аспекты одного из интеллектуальных течений, получившего в США название школы Куинси и непосредственно связанного с американской концепцией изоляционизма.

Методологическую основу исследования составили институциональный, системный и сравнительные подходы. Социально-политическое отражение предмета исследования продиктовало своеобразие избранной методологии. Основываясь на необходимости рассмотрения основных постулатов так называемой коалиции Куинси, выражающей взгляды современного американского изоляционизма и сдерживания во внешней политике, мы использовали в качестве основных следующие методы. 1. Метод компаративного анализа, на основании которого проводился разбор подходов современного либертарианства, реализма и леволиберальных прогрессивистов. 2. Метод ретроспективного анализа. 3. Формально-логический метод определения понятий. 4. Культурно-исторический метод, который позволил исследовать изменения социальных слоев внутри государства в целом. Итогом использования этих методов стал анализ и синтез полученных данных.

Результаты и их обсуждение

В 2010-х годах, когда в американских СМИ иракская компания открыто была названа неудачной и превратилась в психологическую травму внешнеполитического руководства США, возникла так называемая коалиция Куинси – новая школа мысли, акцентирующая внимание на концепции «сдержанности» и быстро ставшая влиятельным течением современной американской внешнеполитической теории [Lieven, 2021, p. 7–34]. У истоков этой коалиции стоял не совсем, на первый взгляд, очевидный альянс представителей либертарианского движения; реалистов, выступающих за приоритетность соблюдения баланса сил; сторонников антиимпериалистического леволиберального блока. Несмотря на совпадение внешнеполитических концептов перечисленных движений, все они имеют оригинальное мировоззрение.

Либертарианство стремится к минимизации размера, стоимости и полномочий федерального правительства США, которое квалифицируется как постоянный источник угроз для свободы. Заграничные войны, союзы и международные институты либертарианцы оценивают как усиление и расширение американского Левиафана.

Реализм существует во многих разновидностях, но особенно заметным среди американских реалистов является взгляд на мир, подчеркивающий баланс сил как необходимую и достаточную основу для международного порядка, наряду с антипатией к военному вмешательству, чрезмерному растягиванию внешней политики США за счет союзнических обязательств и проекту сдерживания глобального хаоса с помощью международных институтов.

В свою очередь, прогрессивно-левые партнеры по новой коалиции Куинси настроены решительно антиимпериалистически и считают Pax Americana принудительным, эксплуататорским и разрушительным для внутренней демократии, поскольку он укрепляет тотальности государства безопасности (носящего также наименование «глубинного государства»).

Каждый из партнеров по новой школе «сдерживания» имеет давнюю историю и интеллектуальную основу. До настоящего союза они были противниками. Объединяющая их цель – избежать очередной войны в условном «Ираке» и ограничить американское военное вмешательство. В более общем плане они едины в противодействии проекту американского либерального интернационализма, проявляющегося в системе правил, институтов и партнерств, которые Соединенные Штаты построили и возглавили за последние 70 лет. В целом новая коалиция сдерживания бросает радикальный вызов базовому курсу американской внешней политики в послевоенную глобалистскую эпоху.

Новая интеллектуальная школа приобрела влияние благодаря щедрому финансированию со стороны таких видных филантропов, как Чарльз и Дэвид Кохи, а также Джордж Сорос. Структурно она объединена вокруг «мозгового центра» – Института ответственного государственного управления Куинси, возглавляемого Эндрю Басевичем [Mazarr, 2020, p. 6–29].

Институту Куинси удалось собрать представительный круг ученых, аналитиков и экспертов, специализирующихся в сфере внешней политики. Среди либертарианцев, в основном представленных Институтом Катона, долгое время получавших гранты от уже упомянутых братьев Кохов, были Кристофер Пребл и Тед Карпентер. Ведущими неореалистами являются Джон Миршеймер, Стивен Уолт, Барри Позен, Патрик Портер и Майкл Деш. Из прогрессивных левых в школе сдерживания участвуют Сэмюэл Мойн, Джин Морфилд, Стивен Вертхейм и Гордон Адамс [Deudney, Ikenberry, 2021, p. 7–32]. Учитывая внушительные идеологические, экспертные и финансовые ресурсы, а также обещание предотвратить новую войну в Ираке, коалиция Куинси создала благоприятные условия, чтобы продвинуть собственную повестку и принять участие в интеллектуальном формировании внешней политики США, в том числе в глобальной проекции. Например, решение Администрации Джо Байдена о выходе из Афганистана, как и аналогичный план Дональда Трампа, похоже, следуют в фарватере сценариев школы Куинси [Quincy Institute for Responsible Statecraft, 2021].

Во многих отношениях избрание Д. Трампа на пост президента казалось прорывным моментом для школы сдерживания. Во-первых, Трамп осудил войну в Ираке и американское

вмешательство во внутреннюю политику других стран. Во-вторых, он отверг союзнические обязательства США, поставив под сомнение дальнейшее существование НАТО и пакты о безопасности с Японией и Южной Кореей. В-третьих, Трамп подверг сомнению существование международных институтов, выйдя из ряда соглашений о контроле над вооружениями и соглашений о свободной торговле и даже из Всемирной организации здравоохранения. Администрация Трампа денонсировала Парижское соглашение об изменении климата, посчитав его угрозой американскому суверенитету. В целом внешняя политика Трампа была чисто коммерческой и противостояла постулатам институционализированной сдержанности и международного сотрудничества под эгидой США [Wright, 2016]. Хотя эксперты Куинси не одобряли экстравагантную деятельность Трампа и его административную некомпетентность, трудно избежать вывода о том, что основная направленность его внешней политики «Америка прежде всего» была смелой, хотя и грубой реализацией основного видения коалиции Куинси.

Как указывалось выше, на первый взгляд три подхода в коалиции Куинси кажутся маловероятными партнерами по альянсу. Американские внешнеполитические реалисты всех оттенков всегда были резкими критиками либерализма, оценивая его как неземное и идеалистическое видение либо как крестоносное и имперское. Реализм подразумевает глубокую приверженность государству как жизненно важному источнику порядка и приветствует священную традицию построения и укрепления государства. Либертарианство – крайняя версия бытового либерализма и радикальная форма индивидуализма, враждебная притязаниям общества, общности и национальности. Реалисты не только принимают этатизм, они культивируют национальную общность как источник внутреннего порядка и силы для обороны и ведения войны. Либертарианцы настроены враждебно по отношению к государству, стремясь свести его к минимуму в максимально возможной степени, совместимой с общественным порядком. Они хотят полностью уменьшить притязания правительства и общества на человека, в то время как реалисты настаивают, чтобы человек жертвовал собой ради государства и нации. Во время холодной войны либертарианцы были изгоем внутри страны, ставя под сомнение союзы НАТО и Америки, являвшиеся ключевыми во внешнеполитической повестке реалистов.

Еще более широкая пропасть отделяет либертарианцев от прогрессивных левых, которые находятся на противоположном конце политического спектра либерализма. Прогрессивистская повестка направлена на уменьшение экономического неравенства, регулирование рыночной деятельности для общего блага и обеспечение демократической подотчетности институтов на всех уровнях. Либертарианцы равнодушны к концепциям неравенства, враждебно относятся к регулированию капитала и рынков государством и не имеют фундаментальной приверженности демократии, за исключением возможного ограничения государственной власти. В американском контексте либертарианское движение, поддерживаемое Кохом, решительно выступает против экономического и экологического регулирования, прогрессивного налогообложения и расширенной государственной политики в области здравоохранения, продвижение которой было на первом месте в прогрессивистской повестке дня. Либертарианская внутренняя программа состоит в том, чтобы демонтировать институты Нового курса, в то время как американские прогрессисты стремятся сохранить и расширить их. Таким образом, коалиция Куинси сформирована полными идеологическими противниками, видение которых политического порядка и общества диаметрально противоположны.

Однако для достижения задач настоящего исследования необходимо более пристально рассмотреть основные идеи и планы каждого из трех партнеров по альянсу. Полагаем, что детальное изучение программ партнеров по коалиции покажет точки, связывающие либертарианцев, реалистов и прогрессивных левых, фактическое сходство леволиберальных внешнеполитических мыслителей с либеральным интернационализмом.

За несколько столетий своего развития западный либерализм разработал обширное разнообразие вариаций, и большая часть внутренней кухни либеральных демократий была сформирована диалектикой их противостояния и союзов. Акцент на правах личности был

определяющей чертой западного либерализма с самого его зарождения, но в девятнадцатом и двадцатом веках либертарианство кристаллизовалось как в высшей степени осознанный интеллектуальный и политический проект. Оно было направлено на противодействие подъему народной демократии и развитию способности правительства служить общественным интересам в индустриальных обществах. Либертарианство также тесно связано с концепциями частной собственности и свободного рыночного обмена, что делает его идеологией собственности и капитала. И перед лицом тоталитарных, антилиберальных движений, как левых, так и правых, либертарианцы стали рассматривать либерально-демократическое государство всеобщего благосостояния как скользкий путь к тоталитаризму. Согласно классическому утверждению Фридриха Хайека, демократическое государство всеобщего благосостояния находится на «дороге к рабству» – зловещий возврат к долиберальным и докапиталистическим формациям, а не реализация демократических интересов [Хайек, 2021].

В англосаксонской традиции Ф. Хайек и экономист Чикагского университета Милтон Фридман предприняли многосторонние атаки на «Новый курс» и британскую социал-демократию. В кейнсианской программе государственной власти, направленной на макроэкономическую стабилизацию и экономический рост, неолибералы, как они стали себя называть, увидели неэффективность, застой и ползучую смерть индивидуальной свободы [Slobodian, 2018]. В свою очередь, романы Айн Рэнд сформировали либертарианское мировоззрение с подозрительностью к правительству, вдохновляющими героическими примерами, новой мифологией предпринимательской элиты и принципом «победитель получает все» [Boaz, 2015].

Под руководством Р. Рейгана и М. Тэтчер либертарианство и неолиберальное движение, парадоксальным образом изображаемые в обеих странах как консервативное, начали разрушать влияние профсоюзов, отменять прогрессивное налогообложение, дерегулировать рыночную деятельность и сокращать социально-бытовые услуги. На фоне растущей озабоченности по поводу ухудшения состояния окружающей среды либертарианцы возглавили сопротивление экологическому регулированию, представив его как нарушение частной собственности и свободы личности [Reid-Henry, 2019].

Либертарианская программа международного порядка скромна и почти полностью негативна. Классическая теория свободного рынка, изложенная А. Смитом в «Богатстве народов» в 1776 году, стремилась разрушить меркантилизм и тарифы для поощрения рыночных сделок через международные границы. Вместо государственной власти, утверждали неолибералы, работает «скрытая рука» рынка, и порядок возникнет спонтанно. К середине девятнадцатого века представление о мировом порядке, основанном на рыночном обмене, получило широкое распространение. Осознание политической взаимозависимости побудило либералов создать международно-правовые системы, чтобы ограничить государства и международные организации в предоставлении глобальных общественных услуг. Либертарианцы полагали, что точно так же, как индивидуум во внутреннем обществе должен быть защищен от регулирования и ограничений, государство в международной системе не должно ограничиваться или обременяться.

Такое мышление привело американских либертарианцев к противодействию активности Лиги Наций и ООН. По мере того как деколонизация продолжалась, они сопротивлялись международным усилиям по развитию того, что стало называться «третьим миром», и возражали против помощи в целях развития и усилий по созданию нового международного экономического порядка, который регулировал бы международную торговлю, чтобы помочь становлению развивающихся стран. Во время холодной войны и после нее американские либертарианцы выступали против обязывающих международных соглашений о контроле над вооружениями, считая их ненужными и опасными. Хотя антикоммунистические убеждения заставили либертарианцев неохотно поддерживать американскую систему альянсов и НАТО во время холодной войны, они считали, что НАТО стал избыточным инсти-

тутом, после того как угроза глобального коммунизма была устранена. Следующей мишенью стал Европейский союз, продвигаемый либеральными интернационалистами [Preble, 2009]. К концу двадцатого века американское либертарианство превратилось в массовую оппозицию любым нормам международного права и международных организаций.

Следует признать, что, несмотря на определенную маргинальность в политическом мейнстриме, либертарианство сформировало мировоззрение американского общества и оказало влияние на подходы американского правительства к решению внутри- и внешнеполитических проблем. Как правило, либертарианцы игнорируют реальность внутренней и международной взаимозависимости. За пределами рефлексии либертарианцев остается то, что многие проблемы мировой политики, начиная с распространения ОМП и изменения климата и заканчивая транснациональными пограничными потоками и управлением пандемиями, выходят за пределы национальных границ.

Либертарианское мировоззрение также не признает проблемой диспропорцию в распределении доходов. Действительно, хотя стремление к полному равенству было бы удручающим и принудительным, крайнее имущественное неравенство ограничивает свободу, предоставляя богатой элите чрезмерную политическую и экономическую власть. Оставаясь нерегулируемыми, капиталистические общества расслаиваются, при этом привилегии достаются немногим, а сужающиеся обстоятельства и возможности затрагивают большинство [Пикетти, 2015]. На международном уровне пропасть неравенства между самыми богатыми и самыми бедными государствами порождает международную иерархию, а не пространство свободы. Способность решать коллективные проблемы, такие как изменение климата, сильно ограничена, поскольку бедным странам не хватает ресурсов для решения собственных проблем. Таким образом, перераспределение национального дохода от имени большинства не представляет угрозы для свободных обществ, но необходимо для их поддержания.

Реалисты осознают себя как традицию мышления о международной политике, древнейшую по своему происхождению и разработанную светилами западного теоретического канона, включая Фукидида, Н. Макиавелли, Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо. Реалисты считают, что их подход к политике и международному порядку подтвержден многолетним практическим опытом военного и дипломатического противостояния [Haslam, 2002]. Одна группа реалистов настаивает, что порядок возникает только в результате концентрации власти. Другие проповедуют, по сути, противоположный тезис: порядок проистекает из распределенных и сбалансированных конфигураций власти в равновесии [Wohlforth, 2011, p. 499–511.]. Взгляды так называемой гегемонистской школы разделяют такие исследователи, как Э.Х. Карр, Р. Гилпин, У. Уолфорд [Wohlforth, 1999, p. 5–41]. К другой группе, условно названной «школой баланса сил», принадлежат К. Вальц, Р. Позен, С. Уолт. Еще один выдающийся американский реалист – Джон Дж. Миршеймер – разделяет обе позиции [Mearsheimer, 2001].

Концепт «сдержанности» занимает центральное место в представлениях реалистов о мировом порядке. Однако для реалистов – «гегемонистов» подчиненные силы и динамика анархии купируются самым могущественным государством. Для сторонников теории баланса появление гегемонов сдерживается равновесием сил, также смягчающим анархию. Реалисты существенно расходятся во мнениях относительно международных институтов, которые сторонники теории гегемонии оценивают как выражение господства, а их оппоненты из школы теории баланса рассматривают как ограничение свободы действий государства. Большинство реалистов не придают особого значения дифференциации в типах внутренних режимов, вместо этого сосредотачиваясь на динамике анархии, которая налагает ограничения на государства независимо от политической формы.

Американские реалисты сетуют на свою маргинализацию во внешней политике США. Однако общеизвестно, что во время холодной войны реалисты Дж. Кеннан, В. Моргентау, Р. Такер и Г. Киссинджер оказали существенное влияние на внешнеполитическое руководство. Наиболее важные идеи реализма сконцентрированы на ведении длительного противостояния

великих держав. Они разделяли глубокий скептицизм по поводу либеральных крестовых походов, направленных на преобразование мира, и американского вмешательства с целью демократизации иностранных правительств [Mearsheimer, 2018]. Казалось, что после завершения холодной войны и распада Советского Союза реализм как стратегический мейнстрим устарел. Американское внешнеполитическое мышление тяготело к неолиберальным программам. Однако американские реалисты вскоре нашли новую ипостась в качестве критиков реализуемой политики. Когда Соединенные Штаты масштабировали структуры НАТО на постсоветском пространстве и развернули силы для гуманитарных и миротворческих операций на Балканах, в Сомали, Гаити и Западной Африке, американские реалисты решительно возражали против подобного проецирования американской мощи. После терактов 11 сентября и сосредоточения американской внешней политики на борьбе с терроризмом многие американские реалисты предостерегали от «перегибов». После вторжения в Ирак в 2003 г. критика со стороны реалистов – сторонников сдержанности вновь обрела силу. Соединенные Штаты оказались втянуты в длительное противостояние, связанное с потерями всех видов, при этом не сумев достичь поставленных целей. Для критиков-реалистов война в Ираке стала хрестоматийным случаем катастрофы, вызванной неконтролируемой властью и экспансионистскими неолиберальными планами [Vacevich, 2002].

Администрация Буша сформулировала демократизацию Ирака как цель. Однако это не было главным мотивом войны, а было представлено в качестве обоснования для внутреннего идеологического потребления США. Ключевые архитекторы войны – Р. Чейни, Д. Рамсфелд и П. Вулфовиц – были не либералами или либеральными интернационалистами, а реалистами-«гегемонистами», стремившимися сохранить и расширить американское доминирование на Ближнем Востоке перед лицом ревизионистского вызова [Deudney, Ikenberry, 2017, p. 7–26].

По мере того как дебаты об истинных мотивах войны в Ираке утихли, сторонники сдержанности обобщили свои аргументы и призвали к комплексному сокращению американского военного присутствия. Уход с Ближнего Востока и прекращение войны с терроризмом – их главные цели. Также они предлагают Соединенным Штатам ликвидировать большую часть глобальной сети военных союзов и баз. Реалисты утверждают, что НАТО изжила себя и Соединенным Штатам следует планомерно вывести свои силы на позиции, называемой «оффшорным балансированием». Данная аргументация строится на том, что европейцы, японцы и южнокорейцы достаточно богаты, чтобы защищать себя самостоятельно [Posen, 2020, p. 7–34]. Кроме того, глобальное американское военное присутствие непомерно дорого обходится в плане ресурсов, которые лучше потратить на внутренние цели, и вовлекает США в конфликты, имеющие мало общего с фундаментальными американскими национальными интересами [Posen, 2014].

Как только сущностная логика либертарианства и реализма становится очевидна, они представляются не столько странными попутчиками, сколько естественными союзниками. Оба теоретических направления считают политику и общество атомистическими. Для либертарианцев индивидуум или корпорация является единственным легитимным актором, и все то, что сдерживает их – общество и государство, – вызывает отторжение. Аналогично в сфере международных отношений сторонники реалистического равновесия превозносят автономное суверенное государство и рассматривают обязательные международные обязательства, право и политические институты как нарушающие надлежащий порядок и угрожающие суверенитету, а в конечном итоге как неэффективные. Таким образом, в своей основе реализм – это государственное либертарианство, а либертарианство – это реализм для внутреннего потребления. Оба течения полагаются на спонтанное возникновение порядка – реализм через «баланс сил», либертарианство через «скрытую руку». Либертарианцы рассматривают внутреннее правительство сверх минимума как потенциально деспотического Левиафана, а любую государственную власть или способность удовлетворять общественные потребности –

как совокупность сил, угрожающих свободе. На международном уровне сторонники равновесия также опасаются любого увеличения власти, будь то империя или международная организация, как внутренне угрожающего свободе государств [Deudney], стремясь при этом минимизировать деятельность НАТО, ЕС и других международных институтов.

В качестве третьего члена коалиция Куинси включает прогрессивных демократов, выступающих против американского империализма и военного интервенционизма [Morefield, 2018]. Корни прогрессивистской традиции также уходят глубоко в республиканскую и демократическую мысль. Противостояние империи и империализму было определяющей целью республиканцев и либеральных демократов раннего Нового времени. Корифеи Просвещения осуждали господство одного народа над другим [Pitts, 2005]. В то время как Н. Макиавелли и Дж. Локк приветствовали имперскую экспансию, Ш. Монтескье заложил основы антиимпериализма, сопровождавшегося критикой милитаризма и рабства. Политическая теория, лежавшая в основе американской революции, была глубоко антиимперской. Революция была антиколониальным движением за независимость, и ее основатели отвергли любые имперские проекты как разрушительные для ограниченного правительства и конституционализма. В девятнадцатом и начале двадцатого веков эти темы подхватили противники мексиканской войны, аннексии Кубы и оккупации Филиппин. В свете американского экономического господства и неравенства «позолоченного века» Чарльз Бирд и другие прогрессисты определили торговый капитализм как ключевую силу, стоящую за развитием американского государства и территориальной и имперской экспансией [Gardner, 1984]. Эти направления мысли совпадали с воззрениями правых либертарианцев и социалистов, что усиливало изоляционистские тенденции в руководстве Соединенных Штатов и его нежелание максимизировать территориальную экспансию в той мере, в какой их относительная мощь в начале двадцатого века позволила бы.

Когда Соединенные Штаты стали «оплотом демократии» сначала против держав Оси во Второй мировой войне, а затем против Советского Союза, критики американского милитаризма и империализма поначалу были оттеснены на обочину. Но к 1960-м годам, когда началась война во Вьетнаме и другие американские военные интервенции против коммунистических и антиколониальных революций, прежние направления критики возродились и расширились. Некоторые рассматривали Pax Americana как империю нового типа, движимую американскими корпорациями, расширяющими доступ к ресурсам и глобальным рынкам [Kolko G., Kolko J., 1972]. Другие видели, что Соединенные Штаты возглавили оппозицию аграрным популистским движениям и демократизации в глубоко стратифицированных сообществах, ставших на путь деколонизации [Chomsky, 1969]. С ростом глобальной зависимости от ближневосточной нефти и расширением американских военных союзов обновленные версии критики Берда сформировали основу для противодействия американским обязательствам [Vacevich, 2002].

Заключение

За последние 50 лет историки-ревизионисты левого толка создали убедительные нарративы о траектории роста и перемен в Америке, своего рода зеркальное отражение основной либеральной сюжетной линии продвижения свободы. С леворевизионистской точки зрения Соединенные Штаты были построены за счет эксплуатации и экспроприации коренных народов, африканских рабов и мигрантов [Zinn, 2017]. Согласно этой оптике, американский либеральный порядок представляет собой идеологический фиговый листок для самой успешной из глобальных империй, которая становится более сильной и менее ограниченной именно благодаря своей невидимой и неразрывной связи с глобальным капиталом, прежде всего финансовым [Immerwahr, 2020].

После холодной войны левые критики американского порядка перенаправили свою энергию, ставя под сомнение неоколониальные действия США по поддержанию мира, гума-

нитарному интервенционизму и продвижению демократии. Они также обновили оценку американской мощи как агента мирового капитала. Эти интеллектуалы возглавили транснациональные коалиции против неолиберальной глобализации, которую они считали крайне вредной для локальной экономики, коренных народов и окружающей среды. Для таких фигур, как Ноам Хомский, Соединенные Штаты представляли собой гнетущую и жестокую глобальную проблему. Из лидера и защитника либеральной демократии США превратились в планетарно масштабированного и сверхмилитаризованного гаранта статус-кво. Америка стала империей. Гигантское государство национальной безопасности в целях обслуживания интересов этой империи создало угрозу демократии и республиканским институтам [Хомский, 2017].

Многие обвинения левых ревизионистов в адрес США и американской внешней политики носят либерально-демократический характер. Современный либерализм и левый ревизионизм разделяют враждебность к империализму, милитаризму и вооруженной интервенции. Левые ревизионисты используют либерально-демократическую риторику, чтобы судить о недостатках реальных американских институтов и паттернов поведения. Но сторонники данного течения, кроме того, питают решительную враждебность к капитализму и рыночной экономике, которая отделяет их от современных либеральных обьятий модифицированного рыночного капитализма, рассматриваемого не только как необходимое зло для создания богатства, но и как неотъемлемую часть свободы.

Таким образом, мы рассмотрели идеи, которые вносят в современный внешнеполитический дискурс интеллектуалы из школы Куинси. Важным остается вопрос о том, какой интерес, кроме чисто познавательного, несет в себе информация о таких различных участниках Куинси со столь различными идеологическими подходами. Во-первых, хотелось бы акцентировать внимание на том, что, несмотря на сформированное отечественными СМИ мнение в отношении внешнеполитической повестки США как некоего враждебного России монолита, это не совсем так. Настоящая работа доказывает, что американский экспертно-академический дискурс отличается дискуссионностью, полифоничностью и неоднозначностью оценок, методов и подходов. Во-вторых, с прагматичной точки зрения, знание различных спектров позиций американских интеллектуалов позволит российским ведомствам, осуществляющим проведение внешней политики России, проводить более эффективное взаимодействие с американскими визави при решении сложнейших проблем современного мира.

Список литературы

- Пикетти Т. 2016. Капитализм в XXI веке. М., Ад Маргинем, 592 с.
- Хайек Ф. 2021. Дорога к рабству. М., АСТ, 352 с.
- Хомский Н. 2018. Оптимизм вопреки отчаянию. М., Рипол-Классик, 485 с.
- Boaz D. 2015. *The Libertarian Mind: A Manifesto for Freedom*. New York: Simon & Schuster. 432 p.
- Chomsky N. 2002. *American Power and the New Mandarins*. New York., The New Press. 432 p.
- Deudney D., Ikenberry G.J. 2021. *Misplaced Restraint: The Quincy Coalition Versus Liberal Internationalism* // *Survival*, 63 (4): 7–32.
- Kolko G., Kolko J. 1972. *The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945–1954*. New York., Harper & Row, 820 p.
- Mearsheimer J. 2014. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York., WW Norton & Company, 592 p.
- Pitts J. 2006. *A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France*. Princeton, Princeton University Press, 400 p.
- Posen B. 2020. *Europe Can Defend Itself* // *Survival*, 62 (6): 7–34.
- Zinn H. 2015. *A People's History of the United States*. New York, Harper Perennial Modern Classics, 784 p.
- Bacevich A. 2002. *American Empire: The Realities and Consequences of US Diplomacy*. Cambridge, Harvard University Press, 312 p.
- Deudney D., Ikenberry J. 2017. *Realism, Liberalism, and the Iraq War*. *Survival*, 59 (4): 7–26.
- Deudney D., *Bounding Power*. Princeton, Princeton University Press, 384 p.
- Gardner L.C. 1987. *Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1813–1923*. Oxford, Oxford University Press, 400 p.

- Haslam J. 2013. *No Virtue Like Necessity: Realist Thought in International Relations Since Machiavelli*. New Haven, Yale University Press, 272 p.
- Immerwahr D. 2019. *How to Hide an Empire: A History of the Greater United States*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 528 p.
- Lieven A. 2021. Vindicating Realist Internationalism. *Survival*, 63 (5): 7–34.
- Mazarr M.J. 2020. Rethinking Restraint: Why It Fails in Practice. *Washington Quarterly*, 42 (2): 7–32.
- Mearsheimer J. 2019. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, Yale University Press, 328 p.
- Posen B. 2015. *Restraint: A New Foundation for US Grand Strategy*. New York, Cornell University Press, 256 p.
- Preble C. 2009. *The Power Problem: How American Military Dominance Makes Us Less Safe, Less Prosperous, and Less Free*. New York, Cornell University Press, 232 p.
- Quincy Institute for Responsible Statecraft. Quincy Institute Experts Applaud Biden for Ending America’s “Forever” War in Afghanistan?. 21 April 2021, <https://quincyinst.org/press/quincy-institute-experts-applaud-biden-for-ending-mericas-forever-war-in-afghanistan/>. (accessed: 22.01.2023).
- Reid-Henry S. 2019. *Empire of Democracy: The Remaking of the West Since the Cold War, 1971–2015*. New York, Simon & Schuster, 880 p.
- Slobodian Q. 2018. *Globalists: The End of Empire and the Birth of Neoliberalism*. Cambridge, Harvard University Press, 400 p.
- Wohlforth W.C. 2011. Gilpinian Realism and International Relations. *International Relations*, 24 (1): 499–511.
- Wohlforth W. C. 1999. The Stability of a Unipolar World. *International Security*, 24 (1): 5–41.
- Wright T. 2016. Trump’s 19th Century Foreign Policy. *Politico*, 20 January 2016. <https://www.politico.com/magazine/story/2016/01/donald-trump-foreign-policy-213546/>. (accessed: 22.01.2023).

References

- Piketti T. 2015. *Kapitalizm v XXI v. [Capitalism in the 21st century]*. Moscow, Ad Marginem, 592 p. (in Russian).
- Hajek F. 2021. *Doroga k rabstvu [Road to slavery]*. M., AST, 375 p. (in Russian).
- Homskij N. *Optimizm vopreki otchajaniju [Optimism over despair]*. M., Ripol-Classic, 485 p. (in Russian).
- Boaz D. 2015. *The Libertarian Mind: A Manifesto for Freedom*. New York: Simon & Schuster. 432 p.
- Chomsky N. 2002. *American Power and the New Mandarins*. New York., The New Press. 432 p.
- Deudney D., Ikenberry G.J. 2021. Misplaced Restraint: The Quincy Coalition Versus Liberal Internationalism // *Survival*, 63 (4): 7–32.
- Kolko G., Kolko J. 1972. *The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945–1954*. New York., Harper & Row, 820 p.
- Mearsheimer J. 2014. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York., WW Norton & Company, 592 p.
- Pitts J. 2006. *A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France*. Princeton, Princeton University Press, 400 p.
- Posen B. 2020. Europe Can Defend Itself // *Survival*, 62 (6): 7–34.
- Zinn H. 2015. *A People’s History of the United States*. New York, Harper Perennial Modern Classics, 784 p.
- Bacevich A. 2002. *American Empire: The Realities and Consequences of US Diplomacy*. Cambridge, Harvard University Press, 312 p.
- Deudney D., Ikenberry J. 2017. Realism, Liberalism, and the Iraq War. *Survival*, 59 (4): 7–26.
- Deudney D., *Bounding Power*. Princeton, Princeton University Press, 384 p.
- Gardner L.C. 1987. *Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1813–1923*. Oxford, Oxford University Press, 400 p.
- Haslam J. 2013. *No Virtue Like Necessity: Realist Thought in International Relations Since Machiavelli*. New Haven, Yale University Press, 272 p.
- Immerwahr D. 2019. *How to Hide an Empire: A History of the Greater United States*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 528 p.
- Lieven A. 2021. Vindicating Realist Internationalism. *Survival*, 63 (5): 7–34.
- Mazarr M.J. 2020. Rethinking Restraint: Why It Fails in Practice. *Washington Quarterly*, 42 (2): 7–32.

- Mearsheimer J. 2019. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, Yale University Press, 328 p.
- Posen B. 2015. *Restraint: A New Foundation for US Grand Strategy*. New York, Cornell University Press, 256 p.
- Preble C. 2009. *The Power Problem: How American Military Dominance Makes Us Less Safe, Less Prosperous, and Less Free*. New York, Cornell University Press, 232 p.
- Quincy Institute for Responsible Statecraft. Quincy Institute Experts Applaud Biden for Ending America's "Forever" War in Afghanistan'. 21 April 2021, <https://quincyinst.org/press/quincy-institute-experts-applaud-biden-for-ending-mericas-forever-war-in-afghanistan/>. (accessed: 22.01.2023).
- Reid-Henry S. 2019. *Empire of Democracy: The Remaking of the West Since the Cold War, 1971–2015*. New York, Simon & Schuster, 880 p.
- Slobodian Q. 2018. *Globalists: The End of Empire and the Birth of Neoliberalism*. Cambridge, Harvard University Press, 400 p.
- Wohlforth W.C. 2011. Gilpinian Realism and International Relations. *International Relations*, 24 (1): 499–511.
- Wohlforth W.C. 1999. The Stability of a Unipolar World. *International Security*, 24 (1): 5–41.
- Wright T. 2016. Trump's 19th Century Foreign Policy. *Politico*, 20 January 2016. <https://www.politico.com/magazine/story/2016/01/donald-trump-foreign-policy-213546/>. (accessed: 22.01.2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.03.2023

Received 20.03.2023

Поступила после рецензирования 21.04.2023

Revised 21.04.2023

Принята к публикации 25.04.2023

Accepted 25.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Старкин Сергей Валерьевич, профессор, зав. кафедрой политологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0002-9730-482X](https://orcid.org/0009-0002-9730-482X)

Sergey V. Starkin, Professor, Head of the Department of Political Science, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky; Senior Research Fellow, International Interdisciplinary Research Laboratory "Study of World and Regional Socio-Political Processes", Nizhny Novgorod State University N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia

Приписнова Елена Сергеевна, доцент кафедры политологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0004-6386-3425](https://orcid.org/0009-0004-6386-3425)

Elena S. Pripisnova, Associate Professor, Department of Political Science, Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Гнездова Елена Владимировна, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0003-4981-2050](https://orcid.org/0009-0003-4981-2050)

Elena V. Gnezdova, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia